

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА КАК ПРИОРИТЕТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена исследованию вопросов цифровой трансформации права с позиций расстановки приоритетов информационно-правовой политики. Необходимость такого подхода обусловлена тем фактом, что хаотичность и непрозрачность действий в выбранной сфере губительна и для федеральной программы Цифровая экономика Российской Федерации, и для процесса цифровых изменений в целом. Поэтому в статье делается вывод о том, что сейчас, как никогда, важна плановость и прозрачность принимаемых решений, то есть задействование инструментов правовой политики. Именно такой взгляд на цифровую трансформацию через призму информационно-правовой политики и обеспечивает научную новизну статьи. Так же в данном исследовании в качестве приоритетов информационно-правовой политики, концентрирующих в себе основные стратегические направления сферы цифровизации права, предлагается рассматривать создание и законодательное закрепление терминологического аппарата процесса цифровизации, изменение статуса и расширения области применения электронных документов (включая возможное изменение официальной единицы информации с документа на данные), повышение про-

зрачности процессов цифровой модернизации как права, так и государственных органов. Практический аспект находит свое отражение в вариантах решения поставленных проблем и оценки перспективности каждого из предложенных решений: в первом направлении следует четко разграничить понятие цифровизации, компьютеризации и информатизации, цифрового и электронного, определить термин «цифровая среда»; во втором – выбрать один из трех предложенных вариантов (заложить в правовые нормы более широкое использование электронных документов, разделить понятия электронного и цифрового документа и задать правовой статус последнего, отказаться от документа как юридически значимой единицы хранения информации в пользу чисто цифровой единицы – данных); в третьем – обеспечить смысловую доступность стратегической информации и каналы ее широкого распространения, а также повышение информационной культуры населения и его способности воспринимать цифровую модернизацию).

Ключевые слова: цифровизация права, приоритеты правовой политики, цифровая среда, цифровая трансформация, информационно-правовая политика.

Oxana Soldatkina

STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT IN THE FIELD OF DIGITALIZATION OF LAW AS PRIORITIES OF INFORMATION LEGAL POLICY

The article is devoted to the study of digital transformation of law from the perspective of prioritizing information legal policy. The necessity of this approach is due to the fact that the randomness and opacity of actions in the chosen field is detrimental both for the Digital Economy federal program of the Russian Federation and for the process of digital changes in general. Therefore, this article concludes that now, more than ever, it is important to take planned and transparent decisions, that is, the involvement of legal policy instruments. It is this view of digital transformation through the prism of legal information policy that ensures the scientific novelty of the article. Also, in this study, it is proposed to consider the creation and legislative consolidation of the terminological apparatus of the digitalization process, changing the status and expanding the scope of electronic documents (including a possible change in the official unit of information from document on data), increasing the transparency of digital modernization processes of both law and state. The practical aspect is reflected in

the options for solving the problems posed and assessing the prospects of each of the proposed solutions: in the first direction, the concept of digitalization, computerization and informatization, digital and electronic should be clearly distinguished, the term “digital environment” should be defined; in the second, choose one of the three proposed options (lay down the wider use of electronic documents in legal norms, separate the concepts of electronic and digital documents and set the legal status of the latter, refuse the document as a legally significant unit of information storage in favor of a purely digital unit – data); in the third, to ensure the semantic accessibility of strategic information and the channels for its wide dissemination, as well as improving the information culture of the population and its ability to perceive digital modernization).

Key words: digitalization of law, priorities of legal policy, digital environment, digital transformation, information legal policy.

Процесс цифровизации различных сфер жизнедеятельности, в том числе, государственного управления, постепенно приходит на смену процессам информатизации и компьютеризации: программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [13] реализуется полным ходом; электронное правительство все отчетливее приобретает черты цифрового; разработаны модели цифровых суперсервисов, привязанных уже не к конкретной услуге конкретного ведомства, а к жизненной ситуации; развивается и идея цифрового правосудия.

Цифровизация различных сторон правовой действительности – тема крайне модная, актуальная, но вызывающая и множество фундаментальных вопросов. Развитие цифрового права находится сегодня как раз в такой стадии, когда еще не поздно заложить прочный теоретический фундамент, подготовив тем самым почву для дальнейших исследований в данной сфере. Программа «Цифровая экономика» и так уже внесла определенный хаос в теоретические разработки, смешав понятия и термины, вызывая коллизии, ошибки и лишние действия. Именно поэтому сейчас, как никогда, важна плановость принимаемых решений, то есть задействование инструментов правовой политики. Последняя является уже достаточно сложившимся понятием, и представляет собой научно обоснованную, комплексную и последовательную деятельность государства, научно-правового сообщества, индивидов, их объединений, включая все общество, связанную с переработкой информационных потоков и приводящую к созданию стратегических правовых идей и их реализации органами власти в целях формирования правовой государственности.

Кроме того, при организации правового регулирования, тем более при установке стратегических ориентиров, крайне желательно учитывать необходимость прозрачности намерений сторон, которая обеспечивает достижение взаимного доверия, а также определения согласованных стратегических направлений развития правовой системы, как раз и определяющих правовую политику государства.

Основные стратегические ориентиры, наметаемые в рамках теории правовой политики (в нашем случае информационно-правовой политики), определяют собой и соответствующие задачи правовой политики, а наиболее важные, значимые и первоочередные из них традиционно называют приоритетами [4, с. 105]. Наличие в правовой политике приоритетов позволяет избрать правильные инструменты достижения поставленных целей, сконцентрироваться на главном, дает возможность интегрировать усилия всех субъектов в процессе выработки и реализации стратегических правовых идей [3]. Кроме того, задавая приоритеты, можно наметить и уровни, на которых решение проблем будет максимально эффективным.

Какими же должны быть приоритеты информационно-правовой политики, концертирующие в

себе основные стратегические направления рассматриваемой нами сфере цифровизации права?

1. Наведение порядка в терминологическом аппарате процесса цифровизации

Внимание на этой стороне процесса нами акцентируется не случайно, ведь именно качество юридической техники, в основе которой и лежит совокупность понятий, определяет эффективность соответствующего законодательного сегмента [12]. Ситуация осложняется тем, что к чисто своим терминологическим проблемам добавляются и унаследованные из информационного права, в ведении которого собственно и находятся вопросы цифровизации (например, наличие специальных технических терминов или терминов информатики, которые законодатель вынужден включать в правовую сферу). Причем, с точки зрения юриспруденции опасность представляет, как недостаточность понятийного аппарата (например, отсутствие определения криптовалюты в законодательстве ставит под удар в первую очередь добросовестных пользователей), так и его избыточность, выражающаяся в том числе и в виде дублирования нормативных дефиниций. Продемонстрируем на примере термина «цифровизация», почему данный вопрос рассматривается нами на уровне приоритетов.

Так, уже сегодня в российском законодательстве есть и минимум два определения цифровизация: как переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую [14] и как процесса организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов [9]. Данные определения привязаны к понятию цифровой среды, нормативная дефиниция которого в отечественном законодательстве отсутствует. Это приводит к вольному толкованию термина «цифровизация»: чаще всего прилагательное «цифровое» используется как синоним «электронное» [5, 16]; «цифровизация» – как синоним понятий «информатизация» [1] или «компьютеризация» [11, 17].

Такое отождествление указанных понятий не верно, так как цифровизация – самостоятельное явление, имеющее свои отличительные особенности, проистекающие из свойств цифровой среды. Здесь обращает на себя внимание удачная трактовка исследуемого понятия А. Н. Козыревым, который основной особенностью цифровой информации называет «представление информации в удобной для машинного чтения и запоминания двоичной системе исчисления», а в качестве определяющих свойств цифровой среды выделяет возможность копирования и распространения информации без потери точности и идемпотентность сложения [2].

Кроме того, представляется, что процесс цифровизации, в отличие от информатизации, представляющей собой использование информационных технологий для сопровождения существующих организационных процессов, связан, прежде всего, с процессом цифровой трансформа-

ции, объединяющий в себе комплекс мер как организационного характера (оснащение взаимодействующих субъектов компьютерной техникой и соответствующим программным обеспечением), так и по разработке и принятию соответствующих нормативно-правовых актов, поддерживающих создание и функционирование единого цифрового пространства модернизируемого процесса, включающего в себя единый портал, данные для совместного использования, межведомственные сервисы и инфраструктуру для совместного использования, мощную систему аналитики – все естественно при условии обеспечения высокой степени информационной безопасности и конфиденциальности.

Что касается уровня, на котором должны проводиться решения проблем данного приоритетного направления, то безусловно это уровень федерального законодательства. Проводя исследование терминологического аппарата цифровизации права, мы наткнулись на следующую ситуацию с терминами: нормативных дефиниций, связанных с процессом цифровизации, практически нет, но даже здесь намечается тенденция по дублированию законодательных дефиниций, которая традиционно складывается в области информационного права. Так, мы уже упоминали, что сейчас в системе правовых норм можно найти два определения цифровизации. Если же говорить о базовых понятиях предшествующей формы развития государственной власти (имеем в виду электронное государство, включая электронное правительство, электронное правосудие и электронный парламент), то здесь картина еще «интереснее»: понятие «электронный документ» определяется не менее, чем в пяти нормативных актах, причем некоторые определения существенно отличаются от «базового», данного в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8]; аналогичная ситуация и с понятиями «электронная подпись» (3 существенно отличающихся дефиниции), «электронный документооборот» (2 дефиниции), «информационная система» (2 дефиниции) и прочие. Такое изобилие нормативных определений терминов приводит к сложностям с правоприменением, отсутствию унификации судебной практики и возможности решать споры по аналогии, что упростило бы работу судей, и т.д. Причем, представляется, что подобная ситуация возникла во многом благодаря тому, что необходимые нормативные определения в федеральном законодательстве либо отсутствовали, из-за чего ведомства и регионы вынуждены были самостоятельно закрывать этот правовой вакуум, либо были неудовлетворительными с точки зрения практического применения. Чтобы избежать подобной ситуации в сфере цифровизации, необходимо не только включить направление по совершенствованию терминологического аппарата в число приоритетов информационно-правовой политики, но и приступить к его реализации как можно скорее.

2. Отсутствие технических стандартов для электронных и цифровых документов

В практике оказания различных государственных услуг и осуществления правосудия сегодня наблюдается какой-то «половинчатый» переход на «цифру». Например, с 1 января 2017 г. гражданам Российской Федерации доступна подача исков в суды общей юрисдикции в электронном виде (во исполнение Федерального закона РФ от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [6]), основная форма существования документа в судебном документообороте по-прежнему остается традиционной, бумажной. Поясним свою позицию.

Согласно «основному» нормативному определению, под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Таким образом, с точки зрения федерального законодательства нет никакой разницы между документом, изначально созданным в электронном виде, и электронным образом бумажного документа, полученного путем сканирования. Однако с технологической точки зрения и с позиции дальнейшей машинной обработки эта разница существенная. Учитывая, что при подаче заявлений в электронном виде все документы прикрепляются в виде именно скан-копий, их дальнейшее использование и обработка практически ничем не отличаются от аналогичных действий с копиями бумажных документов: чаще всего их просто распечатывают и прикрепляют в традиционные дела. Кроме того, отсутствие правового статуса электронных копий документов, даже подписанных электронной подписью, вызывает необходимость отправлять оригиналы документов по почте.

Если же взглянуть на тот же процесс подачи заявлений в электронном виде изнутри судебной системы, то картина в целом аналогичная. Для реализации электронной подачи был создан модуль «Электронное правосудие» подсистемы «Интернет-портал» ГАС «Правосудие», но он не имеет возможности прямой передачи данных в систему внутреннего делопроизводства суда, значит, в какой-то момент данные существуют в нецифровом (бумажном) виде.

Последствия таких недоработок государственных информационных систем ощущают на себе как граждане, вынужденные отправлять бумажные документы и ожидать их прибытия (отсутствие установленного интерфейса взаимодействия государственных информационных систем приводит к невозможности контактировать между собой), так и судьи, выполняющие все больше дублирующих действий.

Это только один пример, иллюстрирующий необходимость пересмотра отношения к электронному документу, на самом же деле их достаточно много. Уже сегодня подобная ситуация становится критичной, вызывающей системные ошибки и тормозящей цифровое развитие и исполнение национальных федеральных программ, с ним связанных. Следовательно, информационно-правовая политика не может себе позволить обойти стороной данный аспект цифровизации, а масштабность возникающих на основе него проблем, в свою очередь, вызывает потребность акцентировать на нем внимание, включив в число приоритетов.

Вариантов решения данной задачи существует несколько.

1. «Закладывание» в правовые нормы более широкого использования электронных документов, чтобы органы государственной власти и суды могли вести работу в чисто цифровом формате. Для этого необходимо как минимум поменять ГОСТы оформления документов, ориентируя их на использование электронного документа как основного, а также расширить статус электронной подписи.

2. Разделить понятия электронного и цифрового документа, определив последний как документированную информацию, созданную без предварительного документирования на бумажном носителе и имеющую цифровую природу, то есть существующую в виде удобной для машинного чтения и запоминания двоичной системе исчисления, пригодной для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Кроме того, в этом случае необходимо задать и правовой статус цифрового документа.

3. Отказаться от документа как юридически значимой единицы хранения информации в пользу чисто цифровой единицы – данных. Этот путь представляется самым перспективным, так как данные изначально имеют цифровую природу, а значит, обладают рядом преимуществ: возможность копирования и распространения информации без потери точности и совместное ее использование, уменьшение затрат на поиск информации. Но с позиций отечественного законодательства здесь присутствует серьезное препятствие – все российское информационное законодательство построено на документе как единице существования информации: изменение базового понятия вызовет необходимость пересмотра всех связанных с ним понятий. Это гигантская комплексная работа, сложная уже сейчас – и чем дальше, тем сложнее будет сделать этот шаг. Тем не менее, в ближайшем будущем для законодательства это может стать критичным, поэтому такой упреждающий шаг представляется необходимым.

Однако каким бы не был избранный путь, изменения в подходах необходимы, причем данный вопрос должен решаться на федеральном уровне.

3. Обеспечение прозрачности

Пожалуй, одной из самых острых проблем современной государственной деятельности (будь то оказание государственных услуг, процессы правотворчества или правоприменения) является обеспечение прозрачности изменений. Для стратегических документов это тем более важно, так как именно они позволяют видеть цельную картину происходящих модернизаций, в том числе и в правовой сфере. При этом почему-то именно в данной сфере сложилась одна из самых низкоэффективных систем информирования населения. Поясним на примерах.

Согласно федеральному закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7] основным информационным ресурсом, обеспечивающим и сопровождающим стратегическое планирование, является федеральная информационная система стратегического планирования, содержащая в том числе реестр документов. Однако опрос нескольких групп студентов 5 курса юридического вуза показывает, что даже эти уже практически готовые к работе специалисты ничего про данную систему не знают. Несомненно, среди специалистов процент тех, кто знает о наличии в Российской Федерации подобной системы, еще ниже. Между тем, подобная неосведомленность приводит к непониманию и необоснованной критике действий государственной власти. Примером является программа обеспечения автономности российского сегмента сети Интернет, вызвавшая подогреваемую прессой негативную реакцию незнакомого со стратегией информационной безопасности населения, увидевшего в этом попытку отсоединения от мировой сети. Преодолевать уже сложившееся на основе неверной информации общественное мнение гораздо тяжелее, чем заранее предоставить достоверную информацию о реальных целях производимых действий и изменений в законодательстве.

Таким образом, вопрос информированности граждан стоит в области стратегического планирования сейчас очень остро, страдает от недостаточного уровня информированности и процесс цифровизации. В частности, например, происходит дублирование развивающихся систем (например, в процессе отправления правосудия, где раньше была устаревшая система ГАС «Правосудие» и апробируемая ей на смену КИС СОЮ, сейчас развивается несколько дублирующих проектов, таких как ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» и КИС СОЮ); население оказывается не готовым воспринимать новые формы оказания услуг, а иногда и просто ничего о них не знает – даже при условии пользования сервисами портала государственных услуг.

При этом проблема информирования населения случайно или отдельными точечными мероприятиями не решается, здесь требуется комплексная и планомерная работа одновременно по многим направлениям, а значит озвученное направление должно занять свое место в числе приоритетов информационно-правовой политики.

Поднятый нами вопрос созвучен исследуемой нами проблеме правовой информированности населения, исследуемого нами ранее [15], но здесь имеются и определенные отличия. Так, исследователи включают в структуру правовой информированности правовые знания в качестве базиса или ядра; интерес личности к праву; понимание права, умение применить знания на практике [10]. Для области стратегического планирования никаких специальных знаний требоваться не должно, цели и ожидаемые результаты должны быть изложены простым и понятным каждому гражданину языком; кроме того, здесь не стоит и проблема мотивации к получению информации, поскольку граждане априори заинтересованы сами узнавать направления развития государства. Все, что нужно управленцам, – обеспечить подготовку информации в доступной форме и разнообразные каналы ее получения. Здесь, так же как и в случае правовой информированности, можно имплементировать опыт Германии, являющейся примером не только активной работы государства с гражданами, но и грамотной политики распространения информации о направлениях деятельности бундестага: информацию о стратегии развития государства можно получить на сайте бундестага, через трансляции, экскурсии (в том числе и виртуальные), возможности присутствия на заседаниях, и даже работы передвижным информационным «выставкам», работающих на ярмарках или выезжающих к гражданам. Конечно, напрямую использовать этот позитивный опыт нельзя, так как приходится считаться с особенностями российского государства (большая территория, неоднородность технического оснащения регионов), но способы организовать тесное взаимодействие законодателей с гражданами Российской Федерации все же имеются. Например, по средствам тех же виртуальных экскурсий, или работой по повышению информированности граждан о перспективах и целях развития государства на региональном уровне.

Что же касается процесса цифровизации и его стратегической составляющей, то здесь даже в выбранной области возникают проблемы с доступностью информации, т.е. возвращается когнитивный элемент информированности населения: для восприятия цифровых изменений общество должно быть готово, обладать определенным набором знаний, иначе та терминология, которой оперирует законодатель в ходе сопровождения цифровой трансформации (цифровизация, большие данные, блокчейн, распределенные информационные системы, облачные технологии, смарт-контракты), будет гражданину просто непонятной, как и сама суть и необходимость изменений. Подготовить население к восприятию информации возможно только одним способом – развивая информационную культуру и грамотность. Это в свою очередь, так же требует системной работы по изменению акцентов в образовании на всех уровнях; формированию должных поведенческих моделей будут способствовать и другие формы работы с гражданами (рекламные и просвещающие кампании в среде социальных сетей, теле- и радиовещания, проведение курсов информационной грамотности, ориентированных на старшее население).

Таким образом, процесс цифровизации различных сторон правовой действительности неизбежно вносит изменения в состав приоритетов отечественной информационно-правовой политики, добавляя к ним создание и законодательное закрепление терминологического аппарата процесса цифровизации, изменение статуса и расширения области применения электронных документов (включая возможное изменение официальной единицы информации с документа на данные), повышение прозрачности процессов цифровой модернизации как права, так и государственных органов.

Литература

1. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий». URL: <http://www.ssrj.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548> (Дата обращения: 25.04.2020).
2. Козырев А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. URL: <https://medium.com/semi-ras/cifrovaya-ekonomika-i-cifrovizatsiya-v-istoricheskoy-retrospektive-1ad034c16373> (Дата обращения: 25.04.2020).
3. Коробова А. П. Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Норма, 2003. С.97–111.
4. Малько А. В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
5. Медиация и цифровое правосудие: международный опыт и российские перспективы. URL: <https://pravo.ru/lfi/story/202654/> (Дата обращения: 25.04.2020).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федеральный закон РФ от 23.03.2016 № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2016. №26. С. 1. Ст. 3889.
7. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 26. Ч. 1. Ст. 3378.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. №31. Ч. 1. Ст. 3448.
9. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (Дата обращения: 25.04.2020).

10. Осипов Р. А. Правовая информированность: понятие и структура // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1. С. 305–309.
11. Открытость и доступность цифрового правосудия. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/otkrytost-i-dostupnost-tsifrovogo-pravosudiya/> (Дата обращения: 25.04.2020).
12. Паршуков М. И. Понятийный аппарат информационного права в законодательстве, науке и образовательной деятельности // Информационное право. 2013. № 3. С. 6–8.
13. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (Дата обращения: 15.04.2020).
14. Распоряжение Правительства Москвы от 11.10.2010 № 2215-РП «О Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и Интернет-ресурсам» // Электронная Москва. URL: http://mosopen.ru/document/2215_gr_2010-10-11 (Дата обращения: 25.04.2020).
15. Солдаткина О. Л. Правовая политика в сфере правовой информированности населения: федеральный и региональный уровень // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 39–45.
16. Цифровое правосудие или как будет работать электронный документооборот в судах в 2018 г. URL: <http://www.nb-law.com/ru/novosti/187-digital-justice.html> (Дата обращения: 25.04.2020).
17. Цифровое правосудие становится реальным в интернет-торговле. URL: <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/cifrovoe-pravosudie-stanovitsya-realnym-v-internet-torgovle> (Дата обращения: 25.04.2020).

References

1. Vystupenie predsedatelya Soveta sudej RF V. V. Momotova na plenarnom zasedanii VI Moskovskogo juridicheskogo foruma po teme «Sudebnaja vlast' v uslovijah sovremennyh cifrovych tehnologij» (*Speech by the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V. V. Momotov at the plenary session of the VI Moscow Legal Forum on the topic "Judicial branch in the conditions of modern digital technologies"*). URL: <http://www.ssr.ru/news/vystupleniia-interviu-publikatsii/32548> (Accessed: 25.04.2020).
2. Kozyrev A. N. Cifrovaja jekonomika i cifrovizacija v istoricheskoy retrospective (*Digital Economics and Digitalization in Historical Retrospective*). URL: <https://medium.com/cemi-ras/cifrovaja-jekonomika-i-cifrovizacija-v-istoricheskoy-retrospektive-1ad034c16373> (Accessed: 25.04.2020).
3. Korobova A. P. Prioritety pravovoj politiki (*Legal Policy Priorities*) // Rossijskaja pravovaja politika. Kurs lekcion / ed by N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. Moscow: Norma publ., 2003. P. 97–111.
4. Mal'ko A. V. Teorija pravovoj politiki (*Theory of Legal Policy*). Moscow: Jurlitinform publ., 2012. 328 p.
5. Mediacija i cifrovoe pravosudie: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie perspektivy (*Mediation and digital justice: international experience and Russian perspectives*). URL: <https://pravo.ru/lf/story/202654/> (Accessed: 25.04.2020).
6. O vnesenii izmenenij v otdeľnye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti primenenija jelektronnyh dokumentov v dejatel'nosti organov sudebnoj vlasti (*On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic documents in the activities of the judiciary*): federal'nyj zakon RF ot 23 ijunja 2016 g. № 220-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2016. No. 26. Part. 1. Art. 3889.
7. O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii (*On strategic planning in the Russian Federation*): Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2014. No. 26. Part. 1. Art. 3378.
8. Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii (*On information, information technology and information protection*): Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2006. No. 31. Part. 1. Art. 3448.
9. Ob utverzhenii Razjasnenij (metodicheskikh rekomendacij) po razrabotke regional'nyh proektov v ramkah federal'nyh proektov nacional'noj programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» (*On approval of Clarifications (guidelines) on the development of regional projects in the framework of federal projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"*): prikaz Minkomsvjazi Rossii ot 01.08.2018 № 428 // Dokument opublikovan ne byl. Accessed: SPS «Konsul'tantPljus».
10. Osipov R. A. Pravovaja informirovannost': ponjatie i struktura (*Legal Awareness: Concept and Structure*) // Juridicheskaja nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. No. 1. P. 305–309.
11. Otkrytost' i dostupnost' cifrovogo pravosudija (*Openness and accessibility of digital justice*). URL: <https://fparf.ru/news/fpa/otkrytost-i-dostupnost-tsifrovogo-pravosudiya/> (Accessed: 25.04.2020).
12. Parshukov M. I. Ponjatijnyj apparat informacionnogo prava v zakonodatel'stve, nauke i obrazovatel'noj dejatel'nosti (*The conceptual apparatus of information law in legislation, science and educational activities*) // Informacionnoe pravo. 2013. No. 3. P. 6–8.
13. Paspport nacional'noj programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» (*Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"*), utv. resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam 24 dekabrja 2018 g. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (Accessed: 15.04.2020).
14. Rasporjazhenie Pravitel'stva Moskvy ot 11.10.2010 № 2215-RP «O Konceptii obespechenija zhitelej goroda Moskvy telekommunikacionnymi uslugami dlja poluchenija social'no znachimoj informacii putem sozdanija uslovij ravnogo dostupa k kabel'nomu teledvideniju i Internet-resursam» (*On the Concept of providing residents of the city of Moscow with telecommunication services to obtain socially significant information by creating conditions for equal access to cable television and Internet resources*) // Jelektronnaja Moskva. URL: http://mosopen.ru/document/2215_rp_2010-10-11 (Accessed: 25.04.2020).

15. Soldatkina O. L. Pravovaja politika v sfere pravovoj informirovannosti naselenija: federal'nyj i regional'nyj uroven' (*Legal policy in the field of legal awareness of the population: federal and regional level*) // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2020. No. 1. P. 39–45.

16. Cifrovoe pravosudie ili kak budet rabotat' jelektronnyj dokumentooborot v sudah v 2018 g. (*Digital justice or how electronic document management in courts will work in 2018*) URL: <http://www.nb-law.com/ru/novosti/187-digital-justice.html> (Accessed: 25.04.2020).

17. Cifrovoe pravosudie stanovitsja real'nym v internet-torgovle (*Digital justice becomes real in e-commerce*). URL: <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/cifrovoe-pravosudie-stanovitsya-realnym-v-internet-torgovle> (Accessed: 25.04.2020).

Сведения об авторе

Солдаткина Наталья Леонидовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права РАН (Саратов) / buzum@mail.ru

Information about the author

Soldatkina Oхana – PhD in Law, Senior Researcher, Saratov Branch of the Institute of State and Law RAS (Saratov) / buzum@mail.ru